

Предисловие

Анатолий Николаевич Гаврилов родился в 1946 году на берегу Азовского моря в древнем городе Мариуполе. Который в 1948 стал советским городом Ждановым, а теперь называется Мариуполем и находится за границей, *в Украине*. Сам Гаврилов в 1978-м со скрипом закончил Литературный институт им. Горького, где учился у прозорливого Н. Б. Томашевского, вовремя разглядевшего уникальный талант донецкого хлопца. Учился вместе с врачом и ныне знаменитым прозаиком Эдуардом Русаковым. С 1985 года проживает во Владимире. В 2006 году вышел на пенсию, но продолжал служить на почте разносчиком телеграмм. Хорошая работа для писателя, однако неумолимый прогресс выдавил его за пределы этой профессии — сейчас Интернет кругом, мобильники, телеграммы никому не нужны. Гаврилов теперь безработный пенсионер и «широко известный

в узких кругах» писатель, гуру. Извините за вольное употребление этого известного санскритского термина, обозначающего духовного учителя, но у Гаврилова действительно есть много последователей и почитателей, хотя он тихо живет в своем Владимире на нищенскую пенсию и практически не участвует в тусовочной «литературной жизни», престижные премии и другие куски с барского стола ему, увы, не достаются. Я один из этих почитателей и его друг.

Составной частью мифа о Гаврилове является твердая уверенность многих уважающих его литераторов, что он *не пишет годами*. А ведь на счету у Гаврилова кроме семи книг прозы по крайней мере две пьесы, книги его переведены в разных странах, и он действительно «широко известен», а литературные круги — они всегда «узкие».

Интернет лишил его профессии, но он же дал Гаврилову второе дыхание. Вот уже много лет, практически ежедневно, он публикует в Фейсбуке странные, призрачные миниатюры, которые, на мой взгляд, рано или поздно составят огромную умную книгу. И то, что вы сейчас читаете — лишь малая часть ее, выловленная из фейсбучного хаоса

молодым, но уже весьма зрелым и тоже *настоящим* писателем *Артемием Леонтьевым*.

Ибо мало, коротко и как бы нехотя пишущий Гаврилов стал одним из самых ярких выразителей нашего времени, оказавшись глубже, серьезнее многих шустрых своих современников. И реализовав тем самым лозунг, выдвинутый еще в 1957 году во время первой советской «перестройки», именованной «оттепелью», юным тогда поэтом Евгением Евтушенко:

Я делаю себе карьеру
тем, что не делаю ее!

Ведь художественная литература — не «проблемы», не «идеи», а *слова*, и кажущаяся простота прозы Гаврилова обеспечена тем, что ему изначально было дано уникальное умение поместить любое, иногда первое попавшееся слово в то место текста, где этому слову и надлежит быть, отчего и возникает этот почти стереоскопический эффект *узнавания*. Читайте, учитесь...

Евгений Попов
Москва, 21 апреля 2021 года

Искусство, человек, государство. Государство, искусство, человек. Человек, государство, искусство. В человеке всё должно быть прекрасно и готово к войне.

Нужно учить русскую народную речь. В связи с чем нахожусь под навесами рынка имени Чайковского. Были Артур, Герман, Павел, другие. Чайковский никогда не бывал во Владимире, но памятник ему стоит. Он дружил с Танеевым. Памятник Танееву стоит у филармонии. Но мы отвлеклись. Итак, мы под навесами рынка Чайковского. Ночь, кто-то играет в нарды, кто-то — в домино. Кто-то пьет пиво, кто-то водку. Всё нормально. Спокойной ночи.

Театр еще существует. Нужно ходить в театр. Даже если это бессмысленно.

Страна большая. Проблем хватает. Их всегда было много. Впрочем, всё под контролем. Есть развитие. Есть инакомыслящие. Есть СИЗО, тюрьмы, прочее. А вы кто такие с вашими претензиями?

Нас ожидает Ренессанс. Готического стиля. И страсти по Матфею. И уличные беспорядки. И прочее. Никто не звонит, не приходит. Что ж. Ничего не поделаешь. Но вот кто-то звонит. Но связь кончилась. Кончилась связь. Деньги кончились. Что ж. Связь еще восстановится. Мы еще встретимся. Зрелища есть, но нужно сходить за хлебом и прочим. Оттепель, туман, темно. Нужно было раньше выйти. Никто не трогает тебя. Ничто не трогает.

В аудиторию входит доцент. Долго и пристально смотрит на студентов, подходит к окну и смотрит в окно. Потом с трудом и не без отвращения произносит слово «экзистенциализм», после чего уже более легко говорит о соцреализме. Он был парторгом Литинститута.

Ехали ночным поездом. У меня украли чемодан. Разместились в общежитии. Работали от зари

до зари. В глазах темнело. Наступила осень. Сады облетали. Яблоки мы повезли продавать в Омск. Там была уже зима. На заработанные деньги я купил костюм и женился.

Хочется сделать что-нибудь из металла, что-то полезное и красивое, и я сделал из желтой жести заколку для волос, и она была похожа на золотую, и я подарил ее N и сказал, что она золотая, и она сначала поверила, а потом обиделась, но мы продолжали встречаться, а потом поженились. В процессе дальнейшей жизни я продолжал и продолжаю выдавать жесь за золото, и что-то изменить уже вряд ли возможно.

Приехали гости. Они были в джинсах и в темных очках. Они скептически всё осмотрели и что-то сказали, а потом мы сели за стол, которого не было.

Оттепель, пасмурно, скользко. Она жарит рыбу, он лежит на диване. Он дал объявление о реставрации старинной мебели. Пока никого, ничего. Нужно уметь ждать. Сегодня — ничего, а завтра — чего. Ничего, что он ничего не смыслит в этом деле. Глав-

ное — желание. Умение придет по ходу дела. Будут еще и рококо, и барокко, и ампир, и прочее.

Его нужно взять. Не так всё просто. То он в оркестре играет на барабанах. То беседует с Президентом о развитии общества. То на сцене изображает Гамлета. То сидит в тюрьме. Ничего не пойму. Пожалуй, пойду в отставку.

Сейчас работаю над партитурой «Птицы весной». Я — учитель композиции. Это когда соединяешь звуки в музыку. Я против уловок, ухищрений и холодного мастерства. Музыка не должна улаживать и потворствовать. Я требую от учеников бескомпромиссности. Они боятся меня. Они считают меня сумасшедшим. Они надо мной смеются.

— Чем занимаешься?

— Работаю на ударных. Барабаны. Пока что дома. Возможны приглашения в престижные группы. Бью днем и ночью.

— Как соседи?

— Обыватели всегда недовольны, им бы спать, жрать и прочее.

1987 год, дом отдыха театральных деятелей «Братцево», осень, вечер, двое сидят за столом, водка, селедка, говорят про театр, литературу, музыку. Центр окружности не принадлежит окружности. Окружность не принадлежит центру. Усилить ум. Жернова работают, а муки нет. Впрочем, ничего нового.

Работаю в музыкальной школе, преподаю флейту. Жена работает кем-то в каком-то департаменте, иногда является домой ночью, то смеется, то плачет, никак не может уснуть, просит поиграть ей на флейте, и я играю, и она засыпает. Жена храпит. Это мешает мне сосредоточиться на вопросах хрен знает каких, но это очень важно для всех.

Оттепель, туман. Мне всё равно. Играю на бирже. То быки, то медведи. Кто знает, тот понимает. А кто не знает — тому и не нужно. Ни слов, ни музыки. Только ставки. Отбросив всё остальное. Тут либо ты, либо тебя.

— Что вы можете сказать о восьмой симфонии...

— Я ненавижу музыку...

— А, скажем, это... как его... поэзия... философия... театр... кино...

— Оставьте меня в покое.

— А вы, собственно, кто?

— Никто.

— Вы еще живы?

— А вам-то какое дело? Я пока еще жив и предлагаю вам выпить со мной водки.

— Спасибо. На службе не пью.

— Выпьем, и я отвечу на все ваши вопросы.

— Даже не знаю.

— Тогда — оревуар.

Авторский вечер в большом зале консерватории имени Чайковского. Музыка друга юности, композитора Н. Его жизнь ушла на борьбу за квартиру, на борьбу с тривиальностью, прочим. Его музыка всегда вызывала во мне отвращение. Я никогда не говорил ему об этом. После его музыки в большом зале консерватории имени Чайковского я сказал, что был потрясен, и обнял его. А потом было застолье в его новой квартире, и я провозглашал тосты в честь моего друга, а потом все разошлись, а мы прогулялись по зимней ночной Москве, а потом вернулись домой.

По дороге домой из библиотеки спросил у незнакомой девушки, как ей Хорхе Луис Борхес, она ответила: «Усратья и не жить».

Моя мать говорила, что я рожден для тюрьмы. Жизнь проходит в ожидании предсказания. Пьешь, боишься других, особенно себя.

О Швейк! А потом были шейк, буги-вуги и прочее. И жизнь продолжается, кто-то помог мне дойти домой и хотел войти ко мне, но мне никто не нужен, гудбай, мне не нужны ваши откровения, спокойной ночи.

Не берись за работу круто, входи в нее исподволь. Работай ровно — работа приступами, сгоряча портит и работу, и твой характер. Не работай до полной усталости. Посиди, полежи — и снова за работу. Не хвались своими удачами. В случае неудачи не горячись, посиди, полежи и еще круче возьмись за работу.

— Как прозвучала твоя музыка?

— Какая?